

*В. М. Белокурский,
доцент кафедры философии
Белорусского государственного
университета культуры и искусств,
кандидат философских наук;
Ж. Я. Белокурская,
доцент кафедры современного
белорусского языка Белорусского
государственного университета*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОЧНИК НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Генетически народная мудрость заявила о себе в тесном сопряжении с народной традицией, которую можно определить как наличие в характерных для данного социума способе и формах бытийствования универсального закона сохранения.

Подходя к народу как субъекту традиционной культуры и ее своеобразной квинтэссенции – народной мудрости, следует подчеркнуть, что этот субъект во все исторические эпохи составляли трудящиеся массы – главные создатели материальных и духовных ценностей. Вместе с тем необходимо особо выделить здесь тот факт, что основной трудовой фигурой на протяжении длительного времени, начиная с глубокой древности, выступало крестьянство. Поэтому в исторической ретроспективе народная мудрость обнаруживала себя преимущественно в рамках традиционной протонародной крестьянской культуры, возникшей в прошлом значительно раньше городской. За многие века своей жизнедеятельности крестьянство создало мощные пласты различных жанров народного творчества, таких как пословицы, поговорки, загадки, сказки и т.п. В них не только отражалась утилитарно-практическая сторона деятельности сельского труженика, обобщался жизненный опыт поколений, но также отчетливо заявляла о себе богатая крестьянская традиция, благодаря которой из поколения в поколение постоянно воспроизводился тот тип отношений человека с окружающей действительностью, где он бытийствовал в привычной гармонии со всем природно-космическим миром, резонируя с его ритмами.

Отметим также, что с развитием городов и ремесел все более настоятельно в социуме стала заявлять о себе городская культура, связанная с новыми формами деятельности ее носителей. Однако в

восточнославянском мире на протяжении достаточно длительного времени народная традиция все еще продолжала быть тесно связанной с крестьянским фольклором. Это позволяло воспроизводить весьма устойчивую мировоззренческую картину, где «мифологические боги и демоны оказывались принципами все того же единственно признаваемого чувственно-материального мира» [2, с. 223–224].

Крестьянская народная традиция изначально предполагала наличие в характерных для общества способах и формах жизнедеятельности некоего универсального закона сохранения. Основная канва задавалась здесь природно-космическим ритмом, определяющим характер как материальных, так и духовных процессов в жизни крестьянства. «Традиция, – подчеркивал Х.-Г. Гадамер, – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах. Но такое сохранение суть акт разума, отличающийся, правда, своей незаметностью» [1, с. 334]. Опосредуя «связь времен», крестьянская традиция выступала как избирательная и ценностная ретроспектива содержательного, «профильтрованного» трудовыми массами опыта. Аккумулируя значимые регулятивы деятельности людей, она предназначала их не только для организации настоящего, но также для трансляции будущим поколениям.

В традиционном крестьянском обществе превалировала инерционная составляющая. Деятельность субъекта сводилась в основном к репродуцированию и вариациям в рамках канона. Сама же традиция принимала нормативный характер через ритуализацию и кодификацию возможных сторон деятельности человека. Однако традиция не сводилась к деятельности как таковой. Она содержала своеобразные программы и модели деятельности, передаваемые в процессе наследования социальности, механизмы передачи типов наследования, а также знания, закодированные в образах материальной и духовной культур. Так, М. К. Петров выделяет три важных фактора, свидетельствующих о функционировании подобного социоклада в народной традиции, – коммуникацию (координацию деятельности людей), трансляцию (передачу освоенной информации), трансмутацию (появление и введение в традицию нового знания) [4, с. 69–70]. Отмеченное выше показывает, что в традиционной крестьянской культуре присутствовал творческий, новационный элемент деятельности, выразившийся в бесчисленных вариациях канона, отборе и передаче наиболее совершенных его форм.

Народная мудрость заявляла здесь о себе как хранительница смысла, основа его вариативного истолкования. Она определяла длящийся континуум человеческой деятельности через восхождение от единичных актов ко всеобщему посредством трансляции в пространстве и времени социальности, т.е. важных для социума знаний и значимой информации. Это требует осмысления народной мудрости как универсального комплекса, духовно-практического образования, имевшего основой свой законосообразный протовариант с природно обусловленными составляющими – народную традицию.

В качестве основных характеристик мудрости ученые обычно выделяют глубокий ум человека в сопряжении с его богатым жизненным опытом. Исследователи также подчеркивают, что корни народной мудрости следует искать в сфере вненаучного знания, в отношении человека традиционного общества к практическим интересам жизни. В философской литературе этот уровень характеризуется как уровень обыденного сознания. Здесь народная мудрость, как и «ненаучная философия, не запрашивает права на существование. Она просто существует, как существуют ненаучные эмоции, не считающаяся с данными науки чувственность, обыденный опыт и другие ненаучные феномены духовной жизни общества» [3, с. 49].

Постепенно выкристаллизовываясь в русле обыденного сознания, народная мудрость представляла своеобразным сгустком важнейших жизненных правил, касающихся всего универсума народного бытия, которые не утрачивали своей ценности во времени.

Уже на первых ступенях развития общества обыденное сознание многократно «схватывало» и фиксировало многообразные явления, отражавшие различные стороны народной жизни. Тем самым постепенно выстраивался достаточно сложный, противоречивый и длительный путь постижения общественным человеком глубинной сущности его многоликого бытия. Сущность же, в свою очередь, начинала обретать в обыденном сознании форму народной мудрости, выкристаллизовываясь в различных жанрах фольклора – пословицах, поговорках, загадках, приметах, сказках и т.п. Языком аллегорий и метафор мудрость говорила человеку о том, что за случайным, преходящим находится нечто необходимое и устойчивое. Тем самым она создавала для человека традиционного общества возможность подниматься над дискретностью

эмпирической повседневности, чтобы видеть целое за кажущейся разрозненностью явлений и событий. Возникнув и развиваясь в русле традиционной культуры, в том ее слое, где заявляла о себе тенденция к преодолению эмпирии, народная мудрость не столько обнаруживала свои гносеологические возможности, сколько тяготела к формированию мировоззренческих, нравственных, ценностных и других ориентиров многогранной человеческой жизнедеятельности.

Образцы народной мудрости пребывали в весьма сложном взаимопереплетении между собой. Это взаимопереплетение, обусловленное тесной сопряженностью человека с окружающим миром, представляло весьма продуктивное единство предфилософских интуиций, моральных регулятивов, эстетических оценок, практических навыков и т.п. Однако народная мудрость не была простой суммой воззрений и умозаключений отдельных индивидов, она представляла своеобразным синтезом важнейших результатов духовно-практической деятельности людей, вызванных к жизни их социальными потребностями. Генезис народной мудрости разворачивается, таким образом, как сложный диалектический процесс, предопределивший в ходе осуществления людьми различных актов своей жизнедеятельности, отбор, накопление и закрепление необходимых для социума образцов материального и духовного опыта, а также алгоритмов практических действий. Общезначимые крупницы этого опыта отбирались и отшлифовывались в сознании многих поколений людей как отвечающие здравому смыслу большинства народа, обретая при этом достаточно выразительную, а также удобную для запоминания и устной передачи форму. Ключевая идея, фиксируемая народной мудростью, зачастую выражалась и передавалась через аналогию с единичными фактами или действиями, очевидными для всех. Тем самым здесь стихийно заявляла о себе диалектика единичного и общего, в целом верно направляющая мысль человека на нужную познавательную стезю.

Таким образом, генезис народной мудрости неразрывно связан с крестьянской культурной традицией. Наиболее целостным ее воплощением выступал крестьянский фольклор – содержательный итог постижения важнейших природных и социальных явлений, обретавший для полноценного восприятия субъектом, а также дальнейшей передачи последующим поколениям художественно-

выразительные формы.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что народная мудрость – относительно самостоятельный и устойчивый компонент обыденного сознания. Подчиняясь внутренней логике развития последнего, она складывалась преимущественно стихийно, в ходе перманентного практически-духовного освоения окружающей действительности сменяющимися друг друга поколениями людей.

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988.

2. Лосев, А. Ф. Дерзание духа / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1988.

3. Ойзерман, Т. И. Философия как история философии / Т. И. Ойзерман. – СПб.: Алетейя, 1999.

4. Петров, М. К. Язык, знание, культура / М. К. Петров. – М.: Наука, 1991.